

А. В. КАРПОВ

**ПСИХОЛОГИЯ
РЕФЛЕКСИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Анатолий Карпов

**Психология рефлексивных
механизмов деятельности**

«Когито-Центр»

2004

УДК 159.943

ББК 88

Карпов А. В.

Психология рефлексивных механизмов деятельности /
А. В. Карпов — «Когито-Центр», 2004

ISBN 5-9270-0052-5

В работе представлены результаты теоретических и экспериментальных исследований структурной и процессуальной организации рефлексивной регуляции деятельности. Предпринята попытка создания обобщающей концепции рефлексии, с позиций которой она трактуется как особая, специфическая психическая реальность, синтезирующая в себе основные черты всех трех базовых компонентов психики – процессов, свойств, состояний. Показано, что рефлексия выступает как средство реализации высшего – метасистемного – уровня организации психики. На основе этого сформулирован новый подход к решению проблемы структурно-функциональной организации системы психических процессов. Итогом исследований рефлексии как компонента системы деятельности стала оригинальная обобщающая психологическая концепция ее структурно-уровневой организации. Впервые предложена конкретная психодиагностическая методика определения уровня развития рефлексивности. Книга предназначена для студентов, аспирантов, научных работников, преподавателей психологических факультетов, специалистов в сфере научной организации труда и управления.

УДК 159.943

ББК 88

ISBN 5-9270-0052-5

© Карпов А. В., 2004
© Когито-Центр, 2004

Содержание

Введение	7
Глава 1	14
1.1. Истоки и направления философского осмысления рефлексии	14
1.2. Развитие проблемы рефлексии в зарубежной и отечественной психологии	19
1.3. Основные современные подходы к исследованию рефлексии в психологии	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Карпов
Психология рефлексивных
механизмов деятельности

Российская академия наук Институт психологии

© Институт психологии Российской академии наук, 2004

Введение

Проблема рефлексии уникальна в такой же степени, как и сама рефлексия. Действительно, благодаря свойству рефлексивности как «данности сознания самому себе» человек понимает, что наделен таким уникальным качеством, которого нет ни у одного из иных живых существ, – самой способностью сознавать. Он понимает свою уникальность в мире (а не исключено – и в мироздании, поскольку до сих пор поиски аналогов этого свойства не увенчались успехом, а загадка «silence universi»¹ все еще существует). Бытие сознания невозможно без осознания этого бытия, что тождественно рефлексии как таковой. Рефлексия – не только продукт сознания, но также форма его существования, важнейшее его условие, а строго говоря, и один из его основных механизмов.

Вместе с тем, если тезис об уникальности *свойства* рефлексивности понимается вполне отчетливо и принимается легко (и даже с некоторым удовольствием), то аналогичное заключение в отношении *проблемы* рефлексии обычно не формулируется в явном виде. Однако трудно не видеть того обстоятельства, что и в этом «гносеологическом измерении» рефлексивности ситуация очень своеобразна. Практически все иные проблемы психологии могут и должны быть поняты как во многом обусловленные логикой развития этой науки, как продукты этого развития и его следствия (при этом речь идет о психологии не только научной, но и «донаучной» – «народной» (folk-psychology)). Однако сама психология в широком и исходном смысле слова – как «знание о душе» – объективно возможна лишь на основе соответствующей способности – свойства рефлексивности. И в этом отношении можно сказать, что вся психология – это следствие данного свойства; она появляется там и тогда, где и когда возникает это свойство. Рефлексивность позволяет дифференцировать психическое на «познающее» и «познаваемое», а тем самым конституировать его как *предмет* познания. Речь, по-видимому, должна идти не только о «вторичности» психологии по отношению к свойству рефлексивности, но и о других науках, о науке в целом. Психология как знание о душе есть только одна из форм знания как такового, а любое знание возможно только в его рефлексивном «обрамлении». Поэтому и один из наиболее жгучих вопросов: что есть знание? – во многом тождествен вопросу: что есть рефлексия? Рефлексия – один из главных факторов, конституирующих не только психику и психологию, но и знание как таковое. Это форма и условие существования знания, в том числе и научного, а в особенности психологического.

О фундаментальности проблемы рефлексии свидетельствует тот факт, что без анализа рефлексивных процессов невозможно сколько-нибудь полное понимание таких основополагающих феноменов человеческой психики, как произвольность, самосознание, мышление, творчество и др. Кроме того, на определенном этапе онтогенеза рефлексивность выступает как основная детерминанта социализации личности, опосредует процессы межличностной коммуникации. Будучи многоаспектным явлением (в процессе жизнедеятельности личности рефлексия выступает, по меньшей мере, в четырех аспектах: кооперативном, коммуникативном, личностном и интеллектуальном), рефлексивность включается практически во все уровни осознаваемой психической активности и во многом определяет эффективную адаптацию личности к внешней природной и социальной окружающей среде.

Дополнительную трудность и еще большую специфичность проблеме рефлексии придают те сложные, а часто и противоречивые отношения, в которых она находится с другой фундаментальной проблемой – проблемой сознания. Через нее проблема рефлексии предстает фактически как общефилософская, непосредственно выводится на уровень основного вопроса

---

¹ «Молчания Вселенной», то есть отсутствия зафиксированных попыток контактов с человечеством иных (возможно, существующих) форм жизни и психики.

философии, становится полем столкновений и бесчисленных коллизий, сопровождающих развитие представлений о соотношении «духа и материи». Исторически сложилось так, что в вопросе о соотношении сознания и рефлексии варианты ответа на него варьируют в очень широком диапазоне. На одном его полюсе – фактически признание их тождества; недифференцированность сознания и рефлексии (точнее, нецелесообразность их разделения). На другом – подчеркивание не только принципиальных различий, но даже и противоположности сознания и рефлексии (что наиболее явно представлено в концепции Ж. П. Сартра [319]). На наш взгляд, ни отождествление, ни обособление рефлексии и сознания абсолютно неправомерны; они неконструктивны в плане решения обеих этих проблем. И напротив, именно определение тех реальных отношений и связей, в том числе генетических, структурных и функциональных, в которых находятся между собой рефлексия и сознание – одно из главных условий адекватного познания и того, и другого.

Неопределенность истинных отношений сознания и рефлексии, но одновременно и несомненность существования этих отношений обусловили ряд характернейших особенностей развития проблемы рефлексии. Так, в частности, эта проблема столь же стара, как представления человека о себе именно как о человеке. Одновременно она и «ровесница» науки в целом, в том числе и психологии. Как обычно принято говорить в таких случаях, «уже Аристотель...». Но что поделаешь, если действительно уже Аристотель впервые вводит понятие мышления о мышлении как фактический аналог рефлексии [15]. Другой формулировкой этой же проблемы выступают учения Сократа и Платона о самопознании [16].

На протяжении всего последующего развития научной (особенно философской и психологической) мысли развивались и представления о рефлексии. Отметим лишь наиболее крупные и известные вехи такого развития: учение Августина о достоверности знания; рационалистическая трактовка проблемы рефлексии (и сознания в целом) Р. Декартом, а также подчеркивание им онтологической функции рефлексии; интроспективная психология второй половины XIX века; современный метакогнитивизм [262–264; 278; 279; 283; 294; 300; 312 и др.].

Еще одной характерной особенностью этой проблемы и в то же время чертой, роднящей ее с другими крупнейшими научными и общепсихологическими проблемами, является следующая особенность. Несмотря на «большой срок жизни» данной проблемы, на четкое осознание научным сообществом ее огромной важности, очевидное внимание к ней и т. д., реальные результаты ее разработки явно не пропорциональны ее статусу. Такая диспропорция вполне объяснима и обусловлена в конечном счете ее грандиозной сложностью и потому слабой изученностью. Более того, вследствие этого в ряде случаев имеет место гносеологический эквивалент известного феномена «выученной беспомощности». Из-за предпринимавшихся ранее многочисленных попыток изучения проблемы рефлексии, оказавшихся не вполне удачными, она перестает активно исследоваться в связи с малыми шансами на успех. Она в силу этого значительно чаще «ставится и обсуждается», нежели реально позитивно разрабатывается. Указанная диспропорция «важности – разработанности» является специфической чертой большинства действительно фундаментальных проблем и надежным «индикатором» их распознавания. В своем крайнем выражении эта особенность зафиксирована, как известно, в знаменитом тезисе П. Дюбуа-Реймона «*ignoramus et ignorabimus*» 2, что, кстати говоря, было заявлено им, в частности, и по отношению к проблеме сознания.

Еще одной специфической чертой проблемы рефлексии является то, что очень долгое время рефлексия в качестве научной категории использовалась преимущественно как интерпретационное средство и как объяснительный принцип функционирования психики, а не как самостоятельный предмет изучения. Точно так же, как психология в целом, по словам Э. Боринга, «имеет очень длительную предысторию и очень короткую историю» [258, с. 311], проблема рефлексии имеет столь же длительную *предысторию* (на протяжении которой она

рассматривалась в основном как феномен, как объяснительный принцип и метод познания психического) и еще более короткую *историю* (когда она выступает уже как предмет изучения). Обычно считается, что последняя начинается с 1925 года – с введения А. Буземаном самого термина «психология рефлексии». В связи с этим до настоящего времени сохраняется доминирование так называемого *абстрактно-философского* подхода к исследованию проблемы рефлексии над *конкретно-научным*². Поэтому и сам предмет – рефлексия – в большей степени раскрыт лишь в общем плане и в гносеологическом аспекте, а не в качестве онтологически представленной и обладающей системой собственных закономерностей психической реальности, что препятствует развитию «позитивной науки о рефлексии», включающей в качестве важнейшей и собственно психологическую составляющую.

Существенные трудности теоретического плана обусловлены также чрезвычайной *широтой* и *вариативностью* подходов к исследованию проблемы рефлексии. До настоящего времени отсутствует не только целостная обобщающая психологическая концепция рефлексии, но и сколько-нибудь оформившийся единый подход к ее разработке, что в свою очередь является почвой для эклектичности и эмпиризма представлений в данной области.

Еще более принципиально то, что рефлексия характеризуется достаточно выраженной *неопределенностью* своего понятийного *статуса* и места в системе психологических понятий. Она, как правило, рассматривается с позиций различных базовых психологических категорий (деятельности, действия, психических процессов, способностей и др.). Однако сама она недостаточно четко осмыслена в отношении своей качественной определенности и специфики. Такая «понятийная неопределенность» – явный индикатор неопределенности представлений о самом предмете, свидетельство его недостаточной дифференцированности.

Сквозь призму указанных особенностей становится вполне понятной и объяснимой та ситуация, которая сложилась к настоящему времени по проблеме рефлексии во многих конкретных областях психологических исследований – в частности, в психологии деятельности и особенно в психологии управленческой деятельности, в теории управления в целом. Дело в том, что по самой своей сути проблема рефлексии (в особенности с учетом ее неразрывной связи с проблемой сознания) имеет статус комплексной, *междисциплинарной*. Это означает, что она может и должна выступать в качестве предмета исследования в ряде наук. Рефлексия, в силу своей многомерности и многокачественности, не допускает раскрытия лишь в каком-либо одном (или даже нескольких) планах, а требует комплексного и многостороннего изучения. Она может и должна изучаться и психологией (в плане исследования механизмов и закономерностей функционирования рефлексивных процессов), и теорией управления (в плане раскрытия специфики управляющих воздействий на системы, обладающие рефлексивными свойствами), и этикой (в плане морально-нравственных и иных норм межличностных отношений), и прикладной математикой (в плане раскрытия нормативных процедур и стратегий так называемых «рефлексивных игр», то есть взаимодействий в виде субъект-субъектного соперничества) и др.

Все указанные выше (и иные) научные дисциплины, в которых изучаются различные аспекты проблемы рефлексии, образуют в своей совокупности, как уже отмечалось, особый уровень ее исследования – конкретно-научный. Он и по своей направленности, и по своей «идеологии», и по целям в значительной мере специфичен; он отличен от того, как осуществляется изучение рефлексии на обобщенном – абстрактно-философском уровне. Эти различия многочисленны и велики; отметим лишь два наиболее принципиальных обстоятельства.

² «Не знаем и не узнаем» (*лат.*).

³ Слово «абстрактно-философский» используется здесь, разумеется, не в его оценочном смысле и, тем более, не как негативная черта подхода, а лишь как констатация того, что в данном подходе рефлексия анализируется преимущественно в качестве философской категории; ее изучение осуществляется поэтому на категориальном, то есть общепсихологическом уровне.

Во-первых, конкретно-научные исследования в области рефлексивной проблематики (так называемая «позитивная наука о рефлексии») возникли значительно позже, чем философские изыскания в этой области. Они поэтому развиты в существенно меньшей степени, а в ряде случаев вообще находятся на начальной стадии своего становления. Это отчетливо прослеживается даже в такой, казалось бы, наиболее адекватной задачам изучения рефлексии науке, как психология.

Во-вторых, существует и более глубинная причина «отставания» конкретно-научных разработок по проблеме рефлексии от ее общефилософского анализа. Дело в том, что по самой своей природе рефлексия – это, так сказать, «апогей субъективности» (точнее, субъектности); это сфера осознанного как произвольного, то есть зависящего от субъекта, от его воли, а потому не вполне объективного. Иными словами, рефлексия – это та область, где существуют (и реально действуют) максимальные возможности для «отступления» от объективных законов и закономерностей как таковых. Поэтому рефлексия как объект исследования в наибольшей степени противоречит духу научного познания как объективного, рационалистического, «несубъективного». Это принципиальное обстоятельство и является главной причиной для сдерживания конкретно-научных исследований рефлексивной проблематики, для ее изучения в «позитивной науке», а иногда и для ее воинствующего неприятия.

На самом деле, однако, положение еще сложнее. Дело в том, что большинство исследователей, занимающихся проблемой рефлексии, отчетливо «рефлектируют» тот факт, что поле субъективных закономерностей, по которым функционирует сознание, также подчиняется объективным закономерностям. Но это уже гораздо более сложная сфера действия объективных законов; это *объективные законы субъективного мира*. Тем не менее они существуют, а исследовать их рано или поздно придется.

Именно эти особенности проблемы рефлексии и самого этого феномена в наиболее яркой и зримой форме проявляются прежде всего в теории управления в целом и в психологии управления в особенности. Трудно найти другую подобную область, сферу действия рефлексивных закономерностей, где бы они выступали с такой же полнотой и значимостью, как в сфере управления. Поэтому изучение рефлексивных закономерностей и механизмов регуляции управленческой деятельности имеет, помимо своего непосредственного значения, более широкий, собственно методологический смысл. Оно выступает как своеобразный метод изучения деятельности как таковой, поскольку то, что представлено в относительно простых, «объект-объектных» видах деятельности в неразвернутой и имплицитной форме, в максимально сложной и богатой по своему содержанию управленческой деятельности дано более очевидно и эксплицировано. В то же время не менее трудно найти другую сферу, где было бы столь велико несоответствие значимости рефлексивных взаимодействий и степени их изученности. Одновременно с этим психология управления – яркий пример несинтезированности и даже «разрыва» общепсихологических представлений о рефлексии практически со всеми иными проблемами, разрабатываемыми в ней. Все то, что накоплено в общей психологии и чем располагает, в частности, классическая интроспекционистская психология, фактически остается не востребуемым психологией управления. Складывается не вполне естественная ситуация, когда одно из самых старых и традиционных понятий психологии (понятие рефлексии) оказывается фактически не включенным в концептуальный состав и категориальный строй психологии управления, не ассимилировано ею. Это следует рассматривать и как явный признак недостаточного теоретического уровня развития последней.

Действительно, уже самый первый взгляд на теорию и практику управления свидетельствует о повсеместности – «вездесущести» рефлексивных процессов, взаимодействий, средств, закономерностей. В конечном счете это вытекает из самой сути управления как такового, из основной его цели. Последние состоят, как выразилась в свое время М. П. Фоллетт, в «... выполнении работы руками других людей» [см. 102, с. 120]. Проблема (и вытекающие из нее

многочисленные трудности и острейшие коллизии) состоит, однако, в том, что «другие люди» понимают – осознают факт выполнения работы «их руками». При этом возникает одно из наиболее принципиальных противоречий управления как такового. С одной стороны, рефлексия себя как подчиненного, «управляемого» и добровольное принятие этой роли, будучи необходимым условием управления, создает и принципиальные предпосылки для большинства трудностей управления. Но, с другой стороны, чем в большей степени управленческие воздействия будут опосредствованы рефлексивными процессами, то есть чем более осознанны и приняты будут эти воздействия, тем выше и конечная эффективность деятельности организаций. Управление как процесс, как взаимодействие «управляющего центра» и «управляемых субъектов» всегда носит опосредствованный характер. Оно всегда как бы «экранируется» сознательными – рефлексивными процессами. Контакт субъектов и их сознаний просто невозможен без рефлексивных средств и процессов.

В связи со всем сказанным возникает наиболее важная и общая, то есть стратегическая задача – задача органичного и действенного включения понятия рефлексии в категориальный аппарат психологии управления, показа и понимания того, что это включение ведет к существенным трансформациям основных понятий психологии управления, к изменению ее концептуальных основ и базовых положений.

Обоснованию и конкретизации данного тезиса, наполнению его конкретным содержанием посвящена значительная часть данной книги. Во введении нет смысла показывать, как именно это может быть сделано, дублируя тем самым содержание последующих глав. Ограничимся поэтому лишь одной, но показательной иллюстрацией.

Так, анализ рефлексии в контексте основной проблематики психологии управления и в целом и в плане организации управленческой деятельности в особенности, а тем самым – перевод данного понятия на уровень конкретно-научного исследования со всей очевидностью вскрывает следующее несложное, но важное обстоятельство. Рефлексивность руководителя, без сомнения, является одним из главных факторов эффективности управленческой деятельности. Это одна из главных детерминант, вообще делающих возможной данную деятельность, поскольку именно на ней базируются межличностные отношения, достигается результативность любого контактного взаимодействия, а тем более, целенаправленного воздействия одного субъекта на других. Но в этом случае рефлексивность должна быть рассмотрена как профессионально-важное качество (ПВК) руководителя; причем оно, по-видимому, является не «одним из» такого рода качеств – не рядовым, а одним из наиболее значимых свойств.

Кроме того, как и любое иное ПВК, рефлексивность объективно базируется на определенной психической реальности – на адекватной ей способности. Понятие ПВК – это и есть, по существу, «деятельностное измерение» способностей как таковых (разных типов, видов, «рангов»). Тем самым мы приходим к выводу о необходимости трактовки рефлексивности именно как *способности личности* (хотя, может быть, и несколько отличной от тех, которые рассматриваются сегодня в психологии способностей). Помимо того, что за счет этого уже достигается определенное расширение представлений о способностях в целом, такая трактовка обязывает сделать и следующий логический шаг.

Если рассматривать рефлексивность в функции способности, то следует признать у нее (как у всякой иной способности) различия в *индивидуальной мере* выраженности – диапазоне, в котором варьирует уровень ее развития. Отсюда следует, что свойство рефлексивности и рефлексия как процесс, на котором оно основано, должны быть поняты как имеющие различия в мере своей выраженности, развития. Рефлексивность, а возможно, и более общее качество – осознаваемость – отнюдь не дискретны, а континуальны. Причем они континуальны не только в плане известных различий в существовании «уровней сознания» как состояния, а именно в надситуативном плане – в плане стойких индивидуальных различий меры развития данного свойства. Вообще говоря, представляется несколько странным и даже парадоксальным, что до

сих пор психодиагностика практически обходит вниманием и соответствующими психометрическими процедурами то свойство (свойство рефлексивности и шире – сознания), которое объективно является не просто наиболее значимым, но и, по существу, уникальным для человека. Мы считаем, что рефлексивность как одна из форм функционирования сознания и само оно в целом принципиально континуальны. Они не подчиняются закону «все или ничего» (то есть сознание в данный момент либо есть, либо его нет), хотя именно последний факт несомненен с феноменологической точки зрения. Действительно, даже самому человеку, «находящемуся в состоянии сознания», обычно не даны различия в мере его выраженности, не говоря уже об их презентации внешнему наблюдателю. Сознание феноменологически презентируется субъекту «все и сразу» – целостно и интегративно, в чем и состоит его специфика.

Однако если сознание в целом и рефлексивность в частности континуальны, то не исключено, что они могут быть и *квантифицируемы*. Сама же квантификация – это и есть измерение объективно существующих индивидуальных различий в уровне развития того или иного свойства. Данное заключение имеет два следствия – методическое и методологическое.

Во-первых, оно уже не только позволяет, но и требует поставить вопрос о создании соответствующей психодиагностической методики, направленной на измерение индивидуальных различий в мере выраженности рефлексивности. Это методика диагностики уровня рефлексивности субъекта как индивидуального качества в целом и как профессионально-важного качества для управленческой деятельности в частности.

Во-вторых, доказательство принципиальной континуальности и вариативности рефлексивности может иметь довольно далеко идущие методологические последствия. Дело в том, что принципиальная континуальность и квантифицируемость рефлексивности делают возможным ее рассмотрение как новой и очень важной *независимой переменной* в психологических исследованиях, в том числе и экспериментальных; ее трактовку как количественно измеримого «аргумента» в установлении новых функциональных зависимостей и связей. Например, открывается возможность для поиска и измерения количественных характеристик связи меры рефлексивности и эффективности управленческой деятельности, для определения корреляционных связей уровня рефлексивности и меры развития всех иных личностных и субъектных качеств, а тем самым и для определения места рефлексивности в структуре личности (в том числе и личности руководителя). Фактически признание континуальности и квантифицируемости рефлексивности позволяет реализовать по отношению к ней и ко всем проблемам, возникающим в связи с ней, тот же самый аппарат психологического исследования, который сложился в отношении всех иных личностных качеств. Тем самым рефлексия как предмет научного исследования, не переставая, разумеется, быть объектом абстрактно-философского изучения, становится и реальным объектом конкретно-научного исследования, в частности психологического. Через доказательство континуальности и квантифицируемости рефлексивности к ней становится применим, по существу, весь арсенал методов психологического исследования; открываются возможности переноса на ее изучение традиций и процедур собственно экспериментального и квазиэкспериментального планов (в частности, факторного, корреляционного и др.).

Итак, можно видеть, что постановка проблемы рефлексии в контексте основной проблематики психологии управления (в связи с изучением управленческой деятельности) действительно ведет к существенным трансформациям самого этого понятия, к изменению традиционных методологических подходов и методических средств его изучения. Выше мы кратко проиллюстрировали данный тезис на материале связи понятия рефлексии с категорией способностей (подробнее об этом см. в разделе 2.5). Аналогичные трансформации имеют место, однако, и при изучении рефлексии в связи с категориями психических процессов, психических состояний, структуры деятельности, структуры личности и др. Та же самая картина обнаруживается и при исследовании сквозь рефлексивную призму видения основных категорий психо-

логии управления, основных ее результатов. В последующих главах это будет показано на материале таких ключевых проблем психологии управления, как проблема общеуправленческих стилей деятельности руководителя, проблема основных управленческих функций, проблема генезиса и содержания организационной культуры и ряда других. Все эти, а также многие другие проблемы, результаты изучения которых представлены в данной книге, разрабатывались в течение достаточно длительного цикла специальных исследований. Поэтому и сама книга имеет в значительной степени обобщающий по отношению к ним характер.

В свою очередь, обобщающий характер задач данной книги определил ее композицию и содержание включенных в нее материалов. Она наряду с новыми теоретическими и экспериментальными материалами содержит и данные, которые были опубликованы ранее, но подвергнуты здесь иной, более широкой и комплексной интерпретации.

В заключение считаю своим приятным долгом сказать и еще об одном. В ходе работы над книгой я постоянно контактировал с рядом ученых, общение с которыми было для меня очень ценным, за что я им очень благодарен. Это прежде всего К. А. Абульханова, В. А. Барбанщиков, В. А. Бодров, Д. Н. Завалишина, В. В. Знаков, В. Д. Шадриков. Благодарю также своих аспирантов и сотрудников за помощь в сборе эмпирического материала и его обработке. Особая благодарность – И. М. Скитяевой за содействие в подготовке ряда разделов книги, а также Т. А. Корнеевой за ту большую работу, которую она выполнила при подготовке рукописи монографии к изданию.

Глава 1

Проблема рефлексии в философии и психологии

1.1. Истоки и направления философского осмысления рефлексии

Очевидное своеобразие проблемы рефлексии не могло не отразиться на специфике ее развития и современного состояния. Наиболее явными и в то же время важными представляются две черты данной проблемы. Во-первых, ее многовековая история, во многом совпадающая с развитием представлений человека о самом себе и, следовательно, имеющая теснейшие гносеологические связи с *философским* знанием. Во-вторых, ее комплексный, многоаспектный характер, проявляющийся в *междисциплинарном* статусе и общенаучном типе данной проблемы, а также в широчайшем спектре собственно психологических направлений ее разработки.

Действительно, процесс формирования способов и средств рефлексирования в философии во многом тождествен генезису самого философского знания. Уже в трудах классиков античной философии можно найти много глубоких суждений, касающихся различных сторон того, что в настоящее время относят к феномену рефлексии [14; 28; 131; 218].

В качестве специальной проблема рефлексии возникла еще в древнегреческой науке и философии. Общее понимание рефлексии философией можно выразить словами П. Тейяра де Шардена о том, что благодаря рефлексии человек выделился из царства животных, смог сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом. Он получил возможность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь. Именно это представление о рефлексии как об особом виде познания детально прорабатывалось в философии. Эти представления развивались со времен античности в учении Сократа и Платона о самопознании («духовной активности» в ее познавательной функции), в представлениях Аристотеля о достоверности сознания [15; 16].

Заслугой античных философов является формирование рефлексивной позиции по отношению к миру, а также разработка понятийного аппарата рефлексивного мышления и способов его развертывания. Основным содержанием философствования в античности постепенно становится критическая и систематизирующая рефлексия над совокупным опытом духовной деятельности. Так, Сократ выдвинул на первый план задачу самопознания, предмет которого – духовная активность в ее познавательной функции. У Платона и Аристотеля мышление и рефлексия понимаются как атрибуты, изначально присущие божественному разуму, в котором обнаруживается «единство мыслимого и мысли». Такая трактовка рефлексии прошла через неоплатонизм и средневековую философию, где рефлексия преимущественно толковалась как «отраженная в логосе миротворческая активность божества, как самовыражение его умной энергии» [см. 319, р. 515]. Вместе с тем в античной философии фактически отсутствует атрибутированность рефлексии человеческому разуму, она не рассматривается как средство осмысления индивидуальной, личностной духовной активности.

Только в философии эпохи Возрождения и Нового времени понятие «рефлексия» становится одной из важнейших характеристик человеческого бытия, отражая целостность и возможности развития человека как личности, а также движение и способы его познания. Впервые в гносеологическом аспекте рефлексия представлена у Р. Декарта в контексте важнейшей философской проблемы обоснования знания [149; 156]. Существование и мышление человека, согласно Р. Декарту, «есть не просто два качества, присущие разумной субстанции. Сама

эта субстанция представляет собой единство деятельности мышления и его продукта – мыслящего "Я"» [56, с. 69]. Таким образом, самосознание, мысль о собственном существовании не только в наибольшей степени является для Декарта ясной и отчетливой, но и наиболее достоверной и может служить отправной точкой для истинного познания.

Философии Нового времени принадлежит также заслуга определения категории «рефлексия». Согласно Дж. Локку, «рефлексия представляет собой отражение, отклонение как перенос осознаваемых внутренних деятельностей души в сферу божественного, разумного» [144, с. 537]. Рефлексия, по Дж. Локку, выполняет следующие функции: получение знания о внутренних деятельностях души и осознание этих деятельностей. Таким образом, в философии Нового времени личности, как познающему субъекту, атрибутируется особая способность к рефлексированию, содержащему два основных аспекта: рефлексия как познание деятельности души есть вместе с тем и составная часть души, и механизм ее изменения.

В классической немецкой философии рефлексия как бы снова «отделяется» от бытия человека и разрабатывается как абстрактная философская категория в онтологическом и гносеологическом аспектах в трудах И. Канта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля [232].

В частности, у И. Канта понятие рефлексии приобрело отчетливую гносеологическую и вместе с тем методологическую форму, в которой оно представлено в настоящее время: «Рефлексия не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы приспособляемся к тому, чтобы найти субъективные условия, при которых мы можем образовать понятия. Рефлексия есть осознание отношений представлений к различным нашим источникам знания, и только при ее помощи отношение их друг к другу может быть определено» [цит. по: 15, с. 38].

У И. Г. Фихте рефлексия впервые получает эпистемологическую трактовку: рефлексия знания есть «наукоучение», – и попадает в контекст процесса развертывания или развития жизни. «Рефлексия есть состояние души, совершенно отличное от нашего восприятия, отчасти даже противоположное ему... Рефлексия должна поднять знание над определенной связностью, имеющей место во внешнем восприятии. В рефлексии есть свобода относительного построения, и потому к первому сознанию бытия присоединяется сознание построения...» [235, с. 418]. Таким образом, рефлексия как активность самопознания предполагает вынесение вовне, объективацию того, что сначала существует как внутреннее, объективное и непосредственно сливается с самим собой в форме факта сознания «Я есть» [235].

Наиболее полный и многоаспектный анализ категория рефлексии получила в философии Г. В. Ф. Гегеля в рамках его диалектического метода. Она определялась в контексте саморазвития духа как основной механизм образования нового из известного, раскрытия известного в новом. Вводилось представление о «замкнутом универсуме духа», в котором посредством рефлексии выявляются все новые и новые состояния, образующие развитие содержания этого универсума. Таким образом, рефлексия оказалась, с одной стороны, совпадающей с деятельностью самосознания духа, с другой – основным механизмом его саморазвития.

В философии начала XX века выделяются два основных направления в понимании и разработке проблемы рефлексии: как универсального способа анализа феноменов и содержания сознания (феноменология) и как источника и основания самосознания человека (экзистенциализм). В качестве иллюстрации первого направления уместно привести работы по феноменологии Э. Гуссерля. По отношению к проблеме познания Э. Гуссерль считается преемником картезианской традиции: «Можно сомневаться в бытии внешнего мира, зато нельзя усомниться в бытии самого сознания, в моем собственном бытии...» Специфика организации сознания проявляется, согласно Гуссерлю, в его субъектно-объектной структуре. Таким образом, любой акт сознания предполагает наличие самого объекта и осуществляющего акт сознания рефлектирующего субъекта. Для объяснения феномена рефлексии философ вводит термин «трансцендентальная рефлексия», под которым понимает «акт непосредственного

постижения, интуитивного схватывания объекта». При этом сознание постигает не только «индивидуальные данности, но и сущностные связи и предметные структуры». Результаты этой рефлексии не поддаются точному языковому описанию и могут быть представлены иносказательно или метафорически. Сама по себе трансцендентальная рефлексия определяется как «особого типа опыт, внутреннее восприятие, осуществляемое без посредства органов чувств и направленное на само чистое сознание» [см. 319, р. 519].

Несмотря на попытку понимания и структурирования индивидуального сознания и создание универсального общенаучного метода познания, применяемого в настоящее время в гуманитарных дисциплинах для анализа различных аспектов индивидуального опыта, наиболее уязвимым для критики в феноменологическом подходе представляется само сознание, понимание сущности которого сводится к разделению индивидуального сознания и трансцендентального Я. Рефлексивные процессы, таким образом, становятся возможными за счет удвоения и последующего трансцендирования сознания и не рассматриваются как высшая способность сознания отслеживать как внешнюю, так и собственную, внутреннюю реальность.

В русле экзистенциального направления заслуживает специального внимания трактовка рефлексии, принадлежащая Ж. П. Сартру и подробно раскрытая в работе «Бытие и ничто». Автор рассматривает феномен рефлексии в контексте анализа сознания: «Сознание по своей природе нерелексивно, и потому оно первоначально не знает не только мира внешних ему объектов, но также и самого себя. Однако оно сразу же осознает себя в качестве отличного от мира в себе» [319, р. 211]. Называя сознание «бытием для себя», Ж. П. Сартр разводит самосознание и знание себя (рефлексию). Существование объективного мира есть следствие объективации сознания, оно выражает искаженное понимание исходного и первоначального «бытия для себя». Рефлексия, в свою очередь, возникает вместе с Я как ее объектом и порождает сам этот объект. Как особого рода деятельность рефлексия влияет на свой объект, изменяет, перестраивает и творит его. В то же время проявление рефлексии ни в коей мере не выявляет природу сознания. Более того, на стадии рефлексии происходит искажение чистоты сознания и его деградация [319].

Еще одним важным направлением философской мысли начала и середины XX столетия, способствовавшим обращению к проблематике рефлексии, стала философская герменевтика, претендовавшая на роль основного или даже единственного метода философии. В рамках этого направления основная задача философа, изучающего какой-либо художественный или философский текст и даже человеческую личность в целом, заключается в понимании внутреннего мира личности или автора текста. Такое понимание осуществимо только через «вживание, вчувствование» в смысл текста, осознание своих переживаний и построение на этой основе новых смыслов. Данный метод предполагает обращение к механизмам процесса понимания, являющимся рефлексивными по своей природе. Философская герменевтика легла в основу «понимающей психологии», и позднее ее принципы получили распространение в гуманистической и личностно-ориентированной психотерапии и консультировании.

В российскую философию понятие рефлексии и связанная с ней проблематика пришли с распространением по всей Европе трудов классиков немецкой философии в начале XIX столетия. Тем не менее самостоятельный серьезный анализ проблемы и разработка подходов к ее решению принадлежат представителям различных философских школ начала и середины XX века [135]. В отечественной философии доминирующими установками, определяющими постановку проблем при анализе рефлексии, традиционно считаются онтологическая и гносеологическая.

Так, в философии всеединства рефлексия предстает как способ осмысления личностью своего духовного, религиозного опыта, являющегося наиболее значимым содержанием сознания. После постулирования в начале XX столетия в качестве единственно верной марксистской философии проблематика рефлексии была вытеснена вместе с проблемой сознания на

второй план и разрабатывалась в русле методологии науки и как один из методов философского познания действительности [81].

Только в последней трети XX века возобновился интерес философов к проблеме рефлексии и, что не менее важно, открылась возможность ее прямой разработки. Это привело к существенному увеличению круга философских проблем, так или иначе связанных с феноменом рефлексии. В работах известных отечественных философов: Д. И. Дубровского, И. С. Ладенко, В. А. Лекторского, А. П. Огурцова, А. Г. Спиркина, В. С. Швырева, М. К. Мамардашвили рефлексия рассматривается не только в традиционных онтологическом и гносеологическом аспектах, но и в аксиологическом и философско-антропологическом планах, а также в контексте проблематики сознания и деятельности [5; 6; 138; 149]. С нашей точки зрения, при анализе различных современных философских подходов к пониманию феномена рефлексии следует отдельно остановиться на воззрениях М. К. Мамардашвили и В. А. Лекторского, в рамках которых наиболее полно и последовательно раскрываются онтологическая и гносеологическая установки.

Для М. К. Мамардашвили смысл и основная функция философствования состоит в рефлексивном осмыслении человеком опыта своего индивидуального бытия с помощью системы категорий и по законам движения мысли, разработанным в философии [149]. Создание философских категорий для автора не самоцель, а средство анализа опыта на пути к его осмыслению. Взятая в таком контексте, рефлексия антропологизируется, становится способом понимания субъектом собственного бытия и мышления и отношения его мышления миру внешних объектов: «В том, как понимается мышление, уже изначально содержится сознание иного. Этим иным или другим миром может быть другой человек, другой мир или другой космос. Все эти вещи стоят в одном ряду и являются расшифровкой слова "иное"... это создает реальность, в которую мы можем попасть лишь через свидетельское сознание, с помощью которого мы могли бы отстраниться от мира и отстранить его. В этом свидетельском сознании содержится, во-первых, что-то, что я сознаю или думаю или чувствую. И, во-вторых, я думаю, что я думаю. Или: я чувствую, что я чувствую. И это, в принципе, может не совпадать с тем, что я действительно чувствую. Наше мышление есть всегда оперирование нашим же собственным мышлением, рефлексирование» [149, с. 93]. Таким образом, мышление рассматривается не в контексте познания, а онтологизируется, вносится в контекст бытия человека в мире иных для него вещей. Таким образом, рефлексия в трудах М. К. Мамардашвили предстает как основной способ и средство контакта личности со своим внутренним опытом, осмысление уникальности и нетипичности которого и есть цель индивидуального философствования.

В. А. Лекторский рассматривает рефлексия, в первую очередь, в плане познания, как его основное средство, и уже вторичной оказывается такая функция рефлексии, как самопонимание [138]. Но и в контексте самопонимания рефлексия сохраняет акцентированный автором гносеологический оттенок: для субъекта рефлексия есть средство самопознания, понимания оснований собственного мышления, а не осознания своего «бытия-в-мире». «Опыт, предполагающий сознательное отношение субъекта к миру объектов, необходимо включает рефлексивное отношение субъекта к самому себе и отличие своего тела от всех остальных предметов, а также смены состояний сознания от объективных изменений в предметном мире... Субъективный опыт становится возможным лишь в результате отношения к себе как к объекту, включенному в сетку объективных отношений с предметами и другими людьми» [138, с. 218]. Описывая рефлексия как средство познания, В. А. Лекторский определяет и средства самой рефлексии: «Каждый акт рефлексии – это акт осмысления, понимания. Последнее же всегда предполагает определение средства понимания, некоторую рамку смысловых связей. Вне этой рамки невозможна и рефлексия. Вместе с тем, смысловая рамка не рефлексивна, а, выпадая из акта рефлексии, берется в качестве его средства, т. е. неявного знания» [138, с. 221].

Приведенные подходы к пониманию природы и функций рефлексии позволяют констатировать разносторонний и глубокий анализ данного феномена в отечественной философии, что создает методологическую базу как для собственно психологических, так и для междисциплинарных системных исследований рефлексивных процессов. Проблема рефлексии ставилась и в различной степени решалась в русле практически всех философских направлений.

В современной философии рефлексия входит в круг проблем онтологии, гносеологии, методологии науки, аксиологии, философской антропологии, что определяет множественность форм толкования феномена рефлексии, средств рефлексирования и категорий опыта, на которые оно направлено. Благодаря рефлексии становится возможным и само философское знание, которое по своей онтологии является результатом осознания человеком опыта своего бытия в мире: «.философская рефлексия всегда стремится диалектически проникнуть в смысл диалогического отношения человек – мир, стремится, интерпретируя, понимать духовные основания бытия человека» [6, с. 6]. Кроме того, философское знание, выступая в своих основных функциях (эвристической, интегрирующей и логико-гносеологической) по отношению к науке в целом и к психологии в частности, осуществляет рефлексивный анализ накопленного в этой науке опыта. Таким образом, в философии рефлексия является одновременно формой существования философского знания, основным методом его получения, а также средством ее взаимодействия с частными областями знаний.

В психологических исследованиях рефлексия выступает двояко: как способ осознания исследователем оснований и результатов эмпирических данных и как базовое свойство субъекта, благодаря которому становится возможным осознание и регуляция своей жизнедеятельности. Таким образом, изучая природу, формы существования и способы реализации рефлексивных процессов в рамках «частно-научного» психологического знания, исследователь одновременно анализирует саму возможность осознания человеком своего отношения к миру и места в нем.

Таким образом, анализ философских воззрений относительно природы рефлексии позволяет сделать, по крайней мере, три основных вывода. Во-первых, данная проблема неразрывно связана с наиболее общими и фундаментальными – предельными по степени своей обобщенности (используя выражение Ф. М. Достоевского, с «последними») проблемами философии и, следовательно, человеческого бытия. Более того, она во многом является своеобразным «инобытием» этих проблем: проблемы соотношения духа и материи; проблемы познаваемости себя как части мира и, следовательно, познаваемости самого мира; вопроса о том, «что есть знание», и др. В связи с этим можно сказать и более категорично, хотя и не менее метафорично: сама философия есть в известной мере рефлексия – но «общечеловеческая». Философствование – результат и следствие рефлексивности как атрибутивного свойства психики. Во-вторых, категория рефлексии являет собой ярчайший пример такого понятия, которое одновременно и с одинаковой очевидностью принадлежит и философии, и психологии. Тем самым оно выступает естественным «концептуальным мостом» синтеза философского и психологического знания. В-третьих, философские исследования рефлексии имеют несопоставимо более богатую (и содержательно, и хронологически) историю, нежели ее психологические исследования. Это, как будет показано ниже, имеет существенные последствия для современного состояния проблемы рефлексии в психологии.

1.2. Развитие проблемы рефлексии в зарубежной и отечественной психологии

Несмотря на то, что практически все современные подходы к пониманию рефлексии опираются в своей основе на различные направления философской мысли, после выделения психологии как самостоятельной области научных исследований на рубеже XIX и XX веков проблема рефлексии оказалась вытесненной из психологии, опиравшейся в этот период своего развития на методологию естественных наук.

Среди различных направлений, сформировавшихся в психологии в первую треть XX века, сложилось неоднозначное отношение к проблематике рефлексии – от полного отрицания необходимости исследования этой проблемы в контексте психологического знания до признания ее основным психологическим методом. При этом отсутствовала не только единая система взглядов на состав и структуру рефлексивных процессов, но и не было сформулировано какого-либо четкого определения рефлексивной функции.

Только в 1930-х годах А. Бузманом было сформулировано «психологическое» определение рефлексии как перенесения переживания с внешнего мира на себя [см. 193]. Автор также впервые предложил выделить психологию рефлексии в самостоятельную область исследований.

Первое систематическое изложение философских и психологических представлений о рефлексии осуществлено бельгийским философом А. Марком в «Психологии рефлексии» (1948).

Нельзя сказать, что ассимиляция этих представлений другими психологическими направлениями шла гладко и безболезненно. Так, например, бихевиоризм вообще отказался от таких категорий, как сознание и соответственно – рефлексия. Вместе с тем параллельно с бихевиоризмом в зарубежной психологии начинали развиваться и другие направления (гештальт-психология, фрейдизм, а позже – Женевская школа, гуманистическая психология, теория деятельности и др.), которые критиковали бихевиоризм за отрицание роли сознания в регуляции и организации поведения человека. Это послужило одной из предпосылок возобновления интереса к рефлексии. Ей стало отводиться место одного из психических процессов, управляющих переработкой информации. Особенно трудным оказался при этом переход от использования рефлексии в качестве одного из объяснительных принципов функционирования психических процессов к выделению рефлексии как особого предмета экспериментального изучения. Подчеркнем, что данный процесс отнюдь не завершен и в настоящее время.

Существенный вклад в реабилитацию понятия рефлексии в психологии внес Ж. Пиаже, исследовавший развитие рефлексивного мышления у ребенка [175]. Он трактует рефлексивное мышление как процесс, осуществляющийся на основе знания субъектом логических законов связи объекта с направлением на него действия, а также на основе осознания необходимости такой связи. Осознание представляет собой процесс концептуализации, то есть реконструкции схемы действия и преобразования ее в понятие. Механизм такого рода осознания связан с физическими и логико-математическими абстракциями. Первая (эмпирическая) обеспечивает содержательно-предметное наполнение концепта, а вторая (содержащая рефлексию как отражение от непосредственного действия) осуществляет механизм схематической реконструкции этого содержания, его развитие в понятие в процессе интериоризации. Периодизация онтогенеза рефлексивного мышления рассматривается Ж. Пиаже по аналогии с периодизацией развития интеллекта ребенка. Рефлексивное осмысление объекта и действие становятся возможными лишь на стадии формальных операций.

Вопросы, касающиеся рефлексивной регуляции деятельности, связаны также с проблемой принятия решения, с другими регулятивными процессами деятельности, в том числе

управленческой [188]. Так, процессы рефлексии исследуются в работах В. Хаака, К. Хольма, К.-В. Вагнера, посвященных планированию. Д. МакДермотт, а также Дж. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам, раскрывая структуру планирования, также включали в сферу анализа рефлексивные процессы [155]. Проблема «контроль за деятельностью» (то есть ситуативная рефлексия) разрабатывалась К. Карвером, М. Шейером. Самоконтроль, являющийся, в нашем понимании, составляющей рефлексии, описан у Ч. Тересена, Д. Махони, У. Мишеля, Ф. Камфера, Л. Гримма [см. обзор в работе: 109].

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет динамика взглядов на рефлексивные феномены в русле когнитивной психологии. В рамках этого направления психические процессы анализируются как процессы переработки информации, существующие в виде систем с входом, выходом и перерабатывающим устройством. Большое число работ когнитивистов [40; 259; 262; 264; 279; 315; 327 и др.] посвящено исследованию процессов мышления и памяти. Именно в этих работах впервые были обозначены и описаны такие, по сути, рефлексивные феномены, как метапамять (память о собственной памяти) и метамышление (как процессы регуляции мышления). Углубление исследований в этом направлении привело к возникновению неокогнитивизма и формированию на его основе особого направления в современной психологии – метакогнитивизма, обычно датируемого от опубликования первой работы Дж. Флейвелла о метапамяти (1971). В рамках метакогнитивного подхода сформировалось понятие о классе регулятивных метапроцессов как особой подструктуре системы переработки информации, послужившее основой для создания современной когнитивной парадигмы исследования рефлексивных способностей.

В целом в развитии взглядов на проблему рефлексии в зарубежной психологии прослеживаются две основные линии. Первая берет свое начало от интроспективной психологии, признавшей рефлексивные процессы основными в функционировании психики, а рефлексирование – базовым методом исследования сознания. Значительно видоизменяясь, эти взгляды нашли свое отражение в таких современных направлениях, как гуманистическая психология, гештальтпсихология, в особенности гештальт-терапевтическое направление, указывающее на важность сознательного отслеживания и регуляции ритмов контакта индивида со средой, экзистенциальная психология. Вторая, хронологически более поздняя линия развития берет начало в ранних работах по исследованию мышления в когнитивной психологии. Ее дальнейшее развитие связано с выделением и исследованием процессов, не участвующих непосредственно в переработке информации, а регулирующих ее осуществление, которые впоследствии были обозначены как «метапроцессы». Выделение группы метапроцессов связано с формированием нового направления – метакогнитивизма.

* * *

Становление психологии рефлексии в отечественной науке, как отмечает И. Н. Семенов, «изначально носило комплексный, междисциплинарный характер и стимулировалось как развитием философской мысли в области гносеологии, логики и методологии научного познания, так и необходимостью психологического обеспечения потребностей практики управления наукой, совершенствования образования, организации проектирования систем “человек – машина”, проведения оргдеятельностных игр и т. п.» [200]. В целом в развитии отечественной психологии рефлексии автор выделяет пять основных этапов:

1. 1920–1950-е годы. Данный этап характеризуется развитием психологии на базе методологии марксизма, и рефлексия в рамках данного гносеологического направления выступает как общепсихологический принцип познания осознанных и произвольных психических явлений (П. П. Блонский, Л. С. Выготский, С. В. Кравков).

2. 1950— 1960-е годы характеризуются выходом на первый план проблематики сознания и формированием деятельностного подхода к анализу психических явлений (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Е. В. Шорохова). В плане методологии научного познания актуальными становятся проблемы научного мышления (Б. М. Кедров, В. Н. Садовский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др.), поиска методологических средств системного анализа научного знания, моделирования мышления человека на ЭВМ. Данные проблемы стимулировали создание таких моделей рефлексии, как «рефлексивный выход» (Г. П. Щедровицкий), «система с рефлексией» (М. А. Розов), «рефлексивное управление» (В. А. Лефевр).

3. 1970-е годы. Развитие психологии рефлексии на данном этапе связано с преодолением доминирования характерной для предыдущего этапа кибернетической парадигмы на базе системно-деятельностной методологии. На данном этапе начинается дифференциация проблематики рефлексии и разворачиваются экспериментальные исследования рефлексивных процессов в русле педагогической психологии (В. В. Давыдов), психологии мышления (Ю. Н. Кулюткин, И. Н. Семенов), проблематики деятельности и ее регуляции (Н. Г. Алексеев, Г. П. Щедровицкий), социальной психологии (К. Е. Данилин). Впервые проводятся исследования роли рефлексии в решении типовых и творческих задач (И. Н. Семенов, В. К. Зарецкий, С. Ю. Степанов), где рефлексия рассматривается как осознание средств, способов и оснований мыслительной деятельности, осуществляющих ее регуляцию.

4. 1980-е годы. Дифференциация психологии рефлексии, происшедшая на предыдущем этапе, позволила наконец поставить проблему предмета и метода ее психологического изучения (И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов). В этот период сформировались два основных подхода к пониманию рефлексивных феноменов. Согласно одному из них, рефлексия есть деятельность «по установлению отношений между связями объектов, которая осуществляется путем рефлексивного выхода (Г. П. Щедровицкий) и состоит из пяти этапов: остановка, фиксация, объективация, отчуждение, символизация (Н. Г. Алексеев)» [см.: 216, с. 103]. В отличие от такой мыследеятельностной трактовки в рамках второго подхода рефлексия понимается как переосмысление в проблемно-конфликтной ситуации целостным Я содержания своего сознания. Данный процесс также включает пять этапов: репродукция стереотипов, регрессия переживания, кульминация вдохновения, прогрессия самосознания, продукция инновации (С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов). В рамках данного подхода классифицируются и типологизируются основные рефлексивные феномены.

5. Середина 1980-х – 1990-е годы. Особенность данного этапа – существенное расширение поля исследований рефлексии в сочетании с увеличением комплексных, междисциплинарных разработок, синтезирующих результаты теоретических и эмпирических исследований в рамках системного подхода к изучению человека.

Для оценки современной ситуации в области изучения рефлексии и анализа рефлексивных процессов все еще сохраняет, к сожалению, свою актуальность суждение Г. П. Щедровицкого, который охарактеризовал ее как ситуацию существенной девальвации понятия рефлексии. «Это обусловлено, прежде всего, его широким распределением в сферах, не имеющих непосредственной практики рефлексирования. Такой способ употребления понятия напоминает известную басню про мартышку и очки, купленные по случаю» [249, с. 423].

В настоящее время понятие рефлексии является уже не только философским и общенаучным, но также и конкретно-научным, в частности, психологическим понятием. Этот факт с особой остротой ставит проблему вычленения собственно психологического содержания данного понятия, тем более, что обращение психологии к проблематике рефлексии определяется не только современными общенаучными предпосылками, связанными с запросами практики, но и собственной «предысторией» психологии, а также традициями исследования сознания.

Данная периодизация является, на наш взгляд, достаточно полной, учитывает особенности развития отечественной психологической науки в целом. Тем не менее следует обозна-

чить и «нулевой» (или предварительный) этап развития отечественной психологии рефлексии, зародившейся в работах таких «ранних» авторов, как И. А. Сикорский и А. Ф. Лазурский. В трудах этих психологов: «Психология. Хрестоматия» и «Наклонности личности», вышедших в свет на рубеже XIX и XX веков, – несмотря на отсутствие самого термина «рефлексия», рефлексивные процессы очень точно феноменологически описаны.

И. А. Сикорский в своей «психологической хрестоматии» пишет о высшем мышлении, дающем знания о мыслях, переживаниях путем самоуглубления и самоанализа. А. Ф. Лазурский приводит классификацию наклонностей (способностей) человека, среди которых важное место занимает «наклонность к обсуждению мотивов» [137].

Автор так описывает проявление этой наклонности: «Прежде чем принять какое бы то ни было решение, человек сначала основательно его обдумает. Он взвесит всевозможные последствия этого решения и посмотрит, не противоречат ли они его основным намерениям или стремлениям. Затем он примет во внимание всю окружающую обстановку, ее способствующее или задерживающее влияние с целью определить, не встретит ли выполнение его намерения чрезмерных, непреодолимых трудностей. Наконец, он обсудит все те пути, которые могут вести к осуществлению решения, все те средства, которые могут ему способствовать, и оценит, какие из них наиболее пригодны для этой цели. Таким образом, окончательному принятию решения в этом случае предшествует очень сложный процесс, в котором одновременно участвуют почти все стороны нашей душевной жизни...» [137, с. 41].

Итак, уже в начале XX века отечественными психологами было сформулировано теоретическое описание процессов, относимых к рефлексивным феноменам, и, что особенно важно, указана их сложность, многообразие и отнесенность ко всем уровням психической организации.

На современном этапе исследования рефлексии проводятся в рамках большинства отраслей психологического знания: рефлексивные процессы изучаются в социальной психологии в связи с проблемами группового взаимодействия, межличностного общения, социальной перцепции, эмпатии [11; 12; 26; 120; 160; 168; 211; 212]; в общей психологии в рамках проблем самосознания и саморазвития личности [22; 46; 110; 164; 175; 209; 218; 261; 280], регуляции познавательных процессов и деятельности [2; 20; 23; 31; 32; 54; 89; 131; 193; 224; 262; 272; 285]; способностей и произвольной активности [51; 52; 61; 69; 85; 86; 173; 245]; в возрастной психологии в плане их генезиса и способов формирования [29; 66; 74; 77; 112; 129; 147; 148; 169; 175; 207–209; 254; 264], а также в медицинской [78; 194; 230; 239; 294], педагогической [37; 44; 115; 143; 170], организационной психологии [167; 213; 268; 275; 332] и психологии управления [180; 181; 188; 227; 269; 274; 324].

Как отмечает И. Н. Семенов, в настоящее время, помимо углубления традиционной проблематики изучения рефлексии, происходит взаимодействие психологии рефлексии на базе междисциплинарных исследований с этнографией (М. М. Муканов, П. Тульviste), психосемантикой (В. В. Столин), психолингвистикой (Р. М. Фрумкина), социологией и целым рядом философских дисциплин (Д. И. Дубровский, В. П. Зинченко, В. А. Лекторский, А. Г. Спиркин и др.) [216].

Таким образом, проведенный анализ указывает на то, что к настоящему времени оформился ряд актуальных проблем теоретического и экспериментального исследования рефлексии. Это разработка типологии функций рефлексии в организации деятельности и общения, исследование рефлексии как уровня (или компонента) мышления и механизма саморазвития личности в творческом процессе, а также проведение прикладных исследований рефлексии для практически значимых разработок в области социальной, педагогической, инженерной психологии и патопсихологии.

Учитывая междисциплинарный характер проблем, связанных с рефлексией, можно сказать, что в зависимости от той области, в которой проводится психологическое или любое дру-

гое исследование, выделяется та или иная грань рефлексии, акцентируется тот или иной ее аспект. Столь широкий спектр исследований в области рефлексии обусловлен тем, что рефлексивные процессы включены в регуляцию практически всех сфер человеческой активности. Последнее свидетельствует о важности изучения этого базисного, основополагающего свойства, а также о малоперспективности использования традиционного аналитического подхода к его изучению. Многомерность рефлексии требует системности в ее понимании, что на определенном этапе развития научного знания было затруднено.

Вместе с тем обширное использование знаний о рефлексии психологами в теоретических и прикладных исследованиях самых разных психических явлений, а также несомненная практическая значимость этих знаний и недостаточная разработанность этого понятия диктуют необходимость интенсификации исследований рефлексии. При этом приходится, однако, учитывать специфику рефлексии как предмета научного исследования и своеобразие данной проблемы в целом. Специфичность *понятия* рефлексии состоит в том, что оно фактически имеет статус *общенаучной категории*. Специфика же *проблемы* рефлексии заключается в ее принадлежности к разряду *междисциплинарных* научных проблем. Кроме того, в структуре этой комплексной проблемы, а также в истории ее возникновения и развития наиболее сильны философские традиции разработки, а абстрактно-философский подход к ее изучению все еще доминирует над конкретно-научными исследованиями ¹.

По нашему мнению, проблему рефлексии необходимо трактовать как междисциплинарную, комплексную не только в традиционном смысле этого слова. Она является также и *междисциплинарнойвнут-рипсихологической* проблемой: последнее означает, что она реально разрабатывается не в какой-либо одной, а сразу в нескольких психологических дисциплинах. В этом отношении необходимо различать

¹ О соотношении философского и конкретно-научного подходов к разработке проблемы рефлексии, а также о других специфических особенностях данной проблемы см. также во «Введении». два значения самого словосочетания «рефлексия как общепсихологическая проблема». С одной стороны, оно означает, что рефлексия является предметом изучения в общей психологии и, более того, что этой фундаментальной дисциплине принадлежит (и должна принадлежать!) лидирующая роль в разработке рефлексивной проблематики. С другой стороны, это означает, что проблема рефлексии является общей для многих психологических дисциплин (то есть общим предметом исследования в них).

Из-за исключительной сложности и специфичности свойства рефлексивности материал, касающийся проблематики рефлексии, также является крайне разнородным и мало структурированным. Очень трудно выделить какую-то единую, общепринятую концепцию, которой можно было бы придерживаться в разработке методики уровня рефлексивности. В следующем параграфе мы рассмотрим некоторые из основных подходов к психологическому изучению рефлексии.

Одним из наиболее показательных с точки зрения логики развития проблемы рефлексии и характеристики спектра проводимых в настоящее время исследований является направление, связанное с *типологизацией* рефлексивных феноменов. Оно одновременно позволяет «перекинуть мост» от историко-научного аспекта проводимого здесь анализа к характеристике современного состояния проблемы рефлексии.

Вопрос о типологизации рефлексивных феноменов решается в современной психологии рефлексии неоднозначно, при этом авторы расходятся во мнениях относительно самой возможности выделения групп рефлексивных процессов.

В частности, Д. И. Дубровский и Д. И. Суарес Родригес, считая рефлексией «целостным» феноменом, отвергают возможность типологизации ее форм и проявлений [см. 16]. Тем не менее большинство авторов: И. Н. Степанов, С. Ю. Семенов, А. Б. Холмогорова, В. И. Сло-

бодчиков и др. – предлагают различные классификации рефлексивных процессов, расходясь в критериях выделения их типов [201; 208; 239].

Ю. И. Лобанова различает два вида рефлексии по направленности на рефлектируемый объект: предметную, контролирующую конструктивную деятельность, и социально-психологическую, обслуживающую ситуации микросоциального взаимодействия [143]. По содержанию рефлексивных процессов автор выделяет доличностную, личностную и межличностную рефлексию. Тем не менее остается непонятным, что именно выделяет автор: виды или этапы формирования рефлексивных процессов.

В. И. Слободчиков, исследуя генезис рефлексии, называет четыре ее уровня: полагающую, сравнивающую, определяющую и интегрирующую [208]. Данные уровни, сформировавшись, становятся в зрелом возрасте формами рефлексии, выполняющими определенные функции в деятельности.

А. Б. Холмогорова, определяя рефлексию как личностную форму регуляции мышления, также классифицирует виды рефлексии в зависимости от функций, которые они реализуют в деятельности, и различает контрольную, конструктивную, мобилизующую и защитную (рационализирующую) рефлексию [239]. В рамках того же медицинского направления И. С. Россохин говорит о двух типах рефлексии, различных по своему влиянию на психическое здоровье личности: патогенной и саногенной [194].

Нами ранее на основании данных эмпирических исследований были выделены различные уровни рефлексии в зависимости от степени сложности рефлектируемого содержания:

- *первый* уровень включает рефлексивную оценку личностью актуальной ситуации, оценку своих мыслей и чувств в данной ситуации, а также оценку поведения в ситуации другого человека;
- *второй* уровень предполагает построение субъектом суждения относительно того, что чувствовал другой человек в той же ситуации, что он думал о ситуации и о самом субъекте;
- *третий* уровень включает представление мыслей другого человека о том, как он воспринимается субъектом, а также представление о том, как другой человек воспринимает мнение субъекта о самом себе;
- *четвертый* уровень заключает в себе представление о восприятии другим человеком мнения субъекта по поводу мыслей другого о поведении субъекта в той или иной ситуации [110].

Таким образом, открывается возможность рассмотрения свойства рефлексивности в двух измерениях: в аспекте степени ее выраженности как личностного свойства и в аспекте уровня сложности рефлектирования, до которого способен подняться субъект. Другими словами, мы считаем, что рефлексия является не «дискретным», а континуальным свойством, имеющим индивидуальную меру выраженности как по «горизонтали» (как склонность и способность личности к отслеживанию своих психических актов и состояний), так и по «вертикали» (как предельная для личности сложность рефлектируемого материала, что характеризует когнитивный аспект свойства рефлексивности).

Наиболее развернутая классификация рефлексивных процессов и феноменов, учитывающая большинство основных подходов к их изучению, была предложена И. Н. Степановым и С. Ю. Семеновым [215; 216]. Пытаясь преодолеть сужение понятия «рефлексия», авторы обобщили основные психологические трактовки рефлексии, приведенные в работах А. В. Петровского, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, А. М. Матюшкина, О. К. Тихомирова [45; 152; 222] и других отечественных психологов, показав, что феномен рефлексии изучается в следующих основных аспектах: коммуникативном, кооперативном, личностном, интеллектуальном.

1. *Коммуникативный* аспект. Рефлексия рассматривается как существенная составляющая развитого общения и межличностного восприятия, как специфическое качество познания человека человеком. Здесь имеет место «размышление за другое лицо», способность понять,

что думают другие люди, и осознание человеком того, как он воспринимается партнером по общению.

2. *Кооперативный* аспект рефлексии. Он наиболее актуален при анализе субъект-субъектных видов деятельности и играет определенную роль в обеспечении проектирования коллективной деятельности с учетом необходимости координации профессиональных позиций и групповых ролей субъектов, а также кооперации их совместных действий. При этом рефлексия рассматривается и как высвобождение субъекта из процесса деятельности, как его выход во внешнюю позицию по отношению к ней.

3. *Личностный* аспект рефлексии. Этот аспект выражается, с одной стороны, в построении новых образов себя в результате общения с другими людьми и активной деятельности, что находит реализацию в виде соответствующих поступков. С другой стороны, он проявляется в выработке более адекватных знаний о мире. Рефлексия здесь является не только принципом дифференциации в каждом развитом и уникальном человеческом Я его различных подструктур («Я – физическое тело», «Я – биологический организм», «Я – социальное существо», «Я – субъект творчества» и др.), но и интеграции Я в неповторимую целостность, не сводимую ни к одной из ее отдельных составляющих, ни к механической сумме.

4. *Интеллектуальный* аспект рефлексии. Имеется в виду понимание рефлексии как умения субъекта выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия. Кроме того, рассмотрение рефлексии в ее интеллектуальном аспекте содействует разработке проблемы о психологических механизмах теоретического мышления.

Таким образом, субъект может рефлексировать:

- 1) знания о ролевой структуре и организации коллективного взаимодействия,
- 2) представление о внутреннем мире другого человека и причинах его поступков,
- 3) свои поступки и образы собственного Я как индивидуальности,
- 4) знание об объекте и способы действия с ним в ситуации.

В зависимости от функций, которые выполняют рефлексивные процессы в той или иной ситуации, выделяются три вида рефлексии.

1. *Ситуативная рефлексия*. Эта форма выступает в виде «мотивировок» и «самооценок» и обеспечивает непосредственную включенность субъекта в ситуацию, осмысление ее элементов, анализ происходящего. Она включает способность субъекта соотносить с предметной ситуацией собственные действия, а также координировать и контролировать элементы деятельности в соответствии с меняющимися условиями.

2. *Ретроспективная рефлексия*. Служит для анализа уже выполненной деятельности, событий, имевших место в прошлом. Рефлексия в данном случае затрагивает предпосылки, мотивы, условия, этапы и результаты деятельности или ее отдельных этапов, уже находящихся в прошлом. Эта форма может служить для выявления возможных ошибок.

3. *Перспективная рефлексия*. Данный вид рефлексии включает в себя размышление о предстоящей деятельности, представление о ходе деятельности, планирование, выбор наиболее эффективных способов выполнения, прогнозирование возможных результатов.

Кроме того, обычно проводится дифференциация на интеллектуальную или личностную рефлексии [217]. Интеллектуальная рефлексия направлена на анализ предметного содержания проблемной ситуации и своего места в ней, определяющегося, в свою очередь, содержанием жизненной задачи, а также возможности ее преобразования. Личностная рефлексия обращена на самого человека, оказавшегося в процессе поиска, и соответственно приводит к переосмыслению всей его деятельности в целом.

На наш взгляд, теоретическая значимость классификации основных видов и уровней рефлексии заключается не только в преодолении сужения понятия, но и в определении двойственной (и личностной, и межличностной) природы рефлексивных феноменов, а также многоуровневой организации рефлексивных процессов как в структуре отдельной личности, так и

в коммуникативном и кооперативном пространстве. Таким образом, оставаясь в рамках принятой им методологии, исследователь рефлексивных процессов должен учитывать многоаспектность изучаемого объекта при выборе методических средств и способов статистической обработки и интерпретации данных.

1.3. Основные современные подходы к исследованию рефлексии в психологии

На основе учета междисциплинарного характера проблем, связанных с рефлексией, можно заключить, что в зависимости от той области, в которой проводится психологическое или любое другое исследование, выделяется та или иная грань рефлексии, акцентируется тот или иной ее аспект. Столь широкий спектр исследований в области рефлексии обусловлен тем, что рефлексивные процессы включены в регуляцию практически всех сфер человеческой активности. Последнее свидетельствует о важности изучения этого базисного, основополагающего свойства, а также о малоперспективности использования традиционного аналитического подхода к его изучению. Многомерность рефлексии требует системности в ее понимании, что на определенном этапе развития научного познания, как мы уже отмечали, было затруднено в связи с недостаточным уровнем развития представлений о ней.

Исключительная сложность и специфичность свойства рефлексивности обуславливают то, что материал, касающийся проблематики рефлексии, также является крайне разнородным и слабо структурированным. Очень трудно выделить какую-то единую, общепринятую концепцию, в рамках которой можно было бы на основании эмпирических исследований создать целостную модель рефлексивных процессов. В данном параграфе будет предпринята попытка классифицировать некоторые из основных подходов к психологическому изучению рефлексии.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что различные авторы классифицируют парадигмы и отдельные направления, сложившиеся в современной психологии рефлексии, по разным основаниям. При этом от принадлежности к тому или иному из этих направлений зависит определение состава и природы рефлексивных процессов, предлагаемое или разделяемое исследователем.

Если говорить о принципиальном общенаучном подходе к изучению рефлексии, то необходимо привести следующие точки зрения исследователей. Как отмечает А. П. Огурцов, в настоящее время существует две альтернативные тенденции в исследовании рефлексивных процессов, в принципе берущие начало в философии [172]. С некоторой долей условности их можно назвать *трансценденталистской* и *герменевтико-экзистенциальной*.

Рефлексия в первом случае трактуется как отстраненное наблюдение за когнитивными процессами и работой сознания, как внеситуативная аналитика сознания, «как раскрывающая в безличном описании объективно идеальную, надличностную структуру истинного знания и безличностные процедуры познания». Рефлексия понимается как мышление о мышлении. Предметно-ориентированное мышление как бы раздвинуло свои горизонты, добавив ко всей совокупности исследуемых областей еще одну область – самое себя. В результате в философии стали анализироваться основания и предпосылки знания, явное и неявное в работе сознания.

Герменевтико-экзистенциальная традиция рассматривает рефлексивный процесс прежде всего в контексте общения. Рефлексия разворачивается в процессе коммуникации, в контексте ситуации (понимание себя и другого, формирование образов своего и чужого Я, пересечение взаимных оценок и самооценок). Эта модель рефлексивного процесса исходит из социокультурной обусловленности содержания форм мышления.

Таким образом, можно дифференцировать две традиции в трактовке рефлексии: 1) рефлексивный анализ, ведущий к прояснению идеальных значений и связанный с конструированием идеальных объектов; 2) процесс рефлексии, ведущий к уяснению тех смыслов, которые проявляются в межличностном общении, в самом процессе коммуникации.

Кроме того, существует точка зрения, согласно которой две указанные ориентации в анализе сознания не только не исключают, а, напротив, дополняют друг друга. В соответствии с этой точкой зрения предпринимаются попытки построения синтетической модели рефлексив-

ных процессов, которая учитывала бы своеобразие «объективирующей рефлексии» и «коммуникативного понимания». Рефлексия в широком смысле включает в себя такие процессы, как самосознание в виде размышлений над собственными переживаниями, ощущениями, мыслями, самопонимание и понимание другого, представление о том, каким человек представляется партнеру по общению, как его оценивают другие люди. Кроме того, многие авторы отмечают, что рефлексия – это теоретическая деятельность, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов. Рефлексия в конечном счете есть осознание практики. В. И. Слободчиков выделяет три контекста, в которых разрабатывается проблема рефлексии:

а) при исследовании теоретического мышления (в науковедении, философии, методологии);

б) при исследовании процессов коммуникации и кооперации действий участников этих процессов;

в) при исследованиях самосознания личности, связанных с проблемами формирования личности, воспитания и самовоспитания [208].

В настоящее время в структуре собственно психологического знания, рамками которого мы ограничимся при дальнейшем анализе рефлексивных процессов, сложилось три ведущих направления в разработке проблем рефлексии: исследования рефлексивного самосознания человека, работы по творческому мышлению и изучение рефлексии как познания человеком явлений чужого сознания [74].

В соответствии с данной классификацией мы попытались обобщить материал, касающийся теоретического понимания рефлексии. Представители первого подхода исследуют самосознание человека, оценку им своих поступков, контроль за своим поведением и т. д. Авторы такого рода концепций ориентируются на представление о рефлексии как об «обращенности познания человека на самого себя, на свой внутренний мир, психические качества и состояния».

Наиболее глубокое понимание рефлексии в этом аспекте содержится у С. Л. Рубинштейна, указывавшего, что «существует два основных способа существования человека и соответственно два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. Второй связан с появлением рефлексии, которая "приостанавливает", прерывает процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе» [196]. С. Л. Рубинштейн связывает с появлением рефлексии особый способ осуществления жизнедеятельности человека в обществе и его отношения к миру: «...она (рефлексия) как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы... С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни» [197, с. 264]. Данный подход в литературе XIX века развивал В. Г. Белинский, утверждая: «человек распадается на два человека, из которых один живет, а другой наблюдает за ним и судит о нем» [цит. по: 177, с. 65].

Л. С. Выготский пишет, что в основе осознания лежит обобщение собственных психических процессов, приводящее к овладению ими [34]. Осознание познавательных процессов означает прежде всего возможность овладения, сознательного управления ими. Кроме того, осознание мыслей делает возможным решение ряда задач, которые не могут быть решены на уровне комплексного мышления, – задач, требующих установления связей между понятиями, то есть «надэмпирических» связей, которых не существует между явлениями в реальном мире.

В связи с пониманием рефлексии как выхода за рамки деятельности в случае невозможности ее осуществления в литературе встречается предложение рассматривать рефлексии и связанные с ней феномены в качестве особых процессов и структурных образований, связы-

вающих сферы сознания и мышления. Рефлексия оказывается сознательным деятельным процессом, в самых разнообразных формах создающим субъективное бытие действительности.

В. Я. Буторин, рассматривая уровни процессов переработки информации, определяет роль рефлексии и ее функционирование в этих процессах [36]. Он считает, что различение предметного и реального уровней сознания, которое используется в исследовании научного познания, применимо и в исследовании осознания, то есть рефлексии.

Первый уровень (предметный) характеризуется усвоением человеком поступающих сведений о предметах и явлениях природной и социальной действительности и включением их в систему знаний.

Второй уровень (рефлексивный) означает осознание: 1) факта воздействия социальной информации; 2) ее роли и места в жизнедеятельности человека; 3) акта рефлексивной трансформации полученной информации в собственно знания.

Рефлексия, таким образом, проявляется как представленность в сознании человека механизмов и форм произвольного контроля над процессами генерации информации, ее развития и функционирования. К рефлексии надо отнести и критический анализ поступающей информации, сомнение в правомерности и надежности поступающих сведений, их оценку. Способность к рефлексии можно понимать как умение реконструировать и анализировать понимаемый в широком смысле план построения собственной или чужой мысли; как умение выделять в этом плане его состав и структуру, а затем, объективировав их, прорабатывать соответственно стоящимся целям.

В связи со сказанным предлагается выделять две диалектически взаимодействующие функции рефлексивного осознания информации: инструментальную и редуционистскую. Инструментальная функция осознания информации выступает как орудие (инструмент) упорядочения знаний субъекта, его представлений о мире, а также как осмысление способов, методов и средств оперирования с поступающей информацией. Поскольку информация выступает как идеальный план осуществления целей, то снятие неопределенности, ограничение в программе поведения, в выборе действий и поступков характеризуется как редуционистская функция осознания информации. Рефлексивность как единство инструментальной и редуционистской функций специфична в информационном плане тем, что осуществляет сравнение сведений о том, что делается, с тем, что уже сделано, что предполагалось или предполагается сделать, что должно быть сделано.

Таким образом, поступающая информация сравнивается с имеющейся у субъекта моделью будущего (в этом, согласно данному подходу, состоит цель рефлексии). На основе такого прогнозирующего сравнения вырабатывается план действия, осуществляется активное управление своим (и чужим) поведением, направленным на решение определенной задачи. Приведенные суждения относятся также и к сравнительному анализу процессов рефлексии и принятия решения, контроля, прогнозирования, речь о которых пойдет в дальнейшем – при рассмотрении интегративной природы рефлексивных процессов (глава 2).

Много внимания в русле рассматриваемого подхода уделяется соотношению рефлексивности и самосознания и, в частности, Я-концепции. Организация рефлексивных процессов человека имеет следующие параметры:

1. Самооценка. Человек склонен относиться к другим так же, как к самому себе. Неадекватная самооценка искажает процесс рефлексии как восприятия и понимания процесса общения с другими.

2. Дифференцированность, проявляющаяся в степени детализации представлений о себе. Дифференцированность Я-концепции определяет глубину и тонкость видения других, поскольку человек способен различать в людях только те качества, о наличии или отсутствии которых у себя он, по крайней мере, задумывался. Восприятие других может искажаться вследствие бессознательной проекции на них неприемлемых у себя черт личности или приписыва-

ния им тех качеств, которыми человек хотел бы обладать. При оценке других людей Я-концепция выступает как бы точкой отсчета.

3. Уровень инструментальности в подходе к самому себе, умение использовать свои сильные стороны в качестве инструмента воздействия на других людей. Инструментальность Я-концепции означает высокий уровень саморефлексии: использовать себя в качестве инструмента можно, лишь осуществляя рефлексивный анализ ситуации, требований, сознательно управляя собственным развитием. Инструментальность – видение себя в качестве инструмента собственной деятельности [115].

Вплетенность рефлексивных процессов в самосознание личности, их основополагающая роль в Я-концепции еще раз подчеркивает актуальность исследования свойства рефлексивности и, кроме того, раскрывает некоторые особенности организации рефлексии, ее сложного характера.

Далее, целесообразно дифференцировать два варианта трактовки рефлексии в структуре самосознания: одни исследователи отождествляют рефлекссию с когнитивной эмпатией, другие не отделяют ее от самосознания. При этом под когнитивной эмпатией понимается способность одного человека понимать позицию другого, предвидеть ход его мысли. Ж. Пиаже полагал, что рефлексия представляет собой «интериоризацию социальной деятельности – дискуссию, которую субъект ведет с самим собой, играя одновременно роль и своего собеседника» [175]. Можно трактовать рефлекссию в качестве выхода за пределы непосредственной деятельности, в частности теоретической. Однако, по мнению М. М. Муканова, внутреннюю дискуссию нельзя отождествлять с рефлексией, хотя она является необходимым этапом и условием функционирования последней [160]. Рефлексия не сводится к внутренней дискуссии по следующим причинам.

Рефлексия протекает не в течение всего времени внутреннего диалога, а лишь в момент «прерывания непрерывного» – когда нет возможности продолжать прежнюю деятельность из-за задержки. В результате субъект вынужден прервать текущую деятельность и обратиться к ее когнитивной оценке. В этом случае функции когнитивной (и, добавим, метакогнитивной) оценки и анализа состоят в том, чтобы, во-первых, выяснить причину возникшего препятствия, а во-вторых, найти иной выход. Это свидетельствует в пользу того, что внутренняя дискуссия может протекать не только во время «рефлексивного выхода», но также до и после него. Поэтому автор призывает различать когнитивную эмпатию и рефлекссию. Рефлексия понимается им как процесс критического осмысления текущей деятельности и обоснования необходимости предпринять новую деятельность и касается более широкого, онтологического аспекта.

Описанный подход к изучению рефлексии, по-видимому, отражает лишь часть той реальности, которая в действительности имеет отражение в сознании посредством рефлексии и при этом затрагивает лишь часть внутренней психической деятельности, которая нуждается в рефлексировании для обеспечения эффективной саморегуляции.

В этой связи можно сослаться и на другой подход, который следует охарактеризовать, по мнению А. З. Зака, как «кибернетико-социально-психологический» [75]. Согласно данному подходу в качестве объекта рефлексии рассматривается не сам познающий субъект, а явления сознания окружающих его людей, их образы – картины окружающего, их переживания, умственная деятельность. При этом понятие рефлексии включает такие процессы, как «проникновение», познание человеком явлений чужого сознания и «представление», «моделирование» этих явлений в своем внутреннем мире. Такое представление о рефлексии в корне противоречит ее философскому пониманию, согласно которому рефлексия есть познание человеком явлений своего, а не чужого сознания, то есть самопознание. Проникновение человека в явления чужого сознания само нуждается в рефлексии, в анализе способов такого проникновения.

Наряду с этим возможно выделение трех очень обобщенных аспектов наиболее интенсивной разработки проблемы рефлексии в настоящее время:

1) при исследовании теоретического мышления (в науковедении, философии, методологии науки и др.);

2) при исследовании самосознания личности (в связи с проблемами воспитания и самовоспитания);

3) при исследовании процессов коммуникации и кооперации (в связи с необходимостью понимания и координации действий участников этих процессов).

В плане разработки теории управления и психологии менеджмента особенно значим последний аспект, без которого невозможно плодотворное сотрудничество, управленческая деятельность как таковая, развитие имитационных и организационно-деятельностных игр. Общение эффективно лишь в том случае, если оно базируется на не менее эффективной рефлексии. Данная проблема – даже при ее первоначальном анализе – требует вычленения двух относительно самостоятельных (но одновременно взаимосвязанных) сторон: 1) рефлексия в диалоге, предполагающая осознание того, как участники диалога интерпретируют для себя ситуацию общения друг с другом; 2) диалог в рефлексии, направленный на разработку техники общения. Модель общения должна включать набор участников общения, выступающих в социальных, игровых и других ролях, окружающую среду и ситуацию общения, а также текст, являющийся продуктом диалогового общения. При этом рефлексивные процессы играют значимую роль в анализе всех составляющих общения. Кроме того, участники должны иметь сведения друг о друге и хотя бы определенный минимум информации о целях, намерениях, способностях и возможностях, системе понятий и структуре знаний.

В. И. Сосновский трактует рефлекссию как переосмысление человеком его связей и отношений с социально-предметным миром [см. 110]. Акцент при этом делается на общении с другими людьми, обеспечивающем в этом случае более высокую форму объективной детерминации процессов активного овладения принятыми в обществе нормами и средствами различных деятельностей. Она выражается и в функциональной полноте построения новых образов себя, проявляющейся в саморегулировании собственных поступков, и в функциональном богатстве знаний о мире с их последующей реализацией в виде соответствующих поступков (действий).

Приведенная позиция в понимании рефлексии тесно соприкасается с предыдущей. Процессы самопонимания, формирования Я-кон-цепции и восприятия другого не только лежат в одной плоскости, но и обуславливают друг друга, поскольку функционирование их происходит за счет рефлексивных механизмов. В этой связи представляется правомерным объединение данных двух направлений.

Еще один – собственно психологический подход, – согласно принятой за основу классификации, связан с работами по творческому мышлению. В них показано, что успешное решение задач предполагает наличие рефлексивного плана, который опосредствует «предметно-операционный план» и «выражается в форме фиксации различных моментов содержательного движения их рефлексивного осмысления путем оценок и самооценок и, наконец, регулирования с помощью установок на изменение последующего движения» [75, с. 102]. В русле данного подхода сформулировано следующее ключевое положение: «Лишь в той мере, в какой субъект мыслительной деятельности оказывается способным сделать объектом анализа и контроля свои собственные исполнительные действия (а затем и планирующие и контрольные действия), он получает возможность проигрывать предварительные варианты решения, формировать гипотезы и оценивать ход и результаты своей мыслительной деятельности» [223].

Н. И. Гуткина считает, что, изучая рефлекссию в эксперименте, исследователь, как правило, имеет дело не с самим рефлексивным процессом, а с его феноменами. В связи с этим представляется целесообразным при экспериментальном исследовании разделить рефлекссию на виды в зависимости от области ее проявления. Н. И. Гуткина выделяет логическую, личностную и межличностную рефлекссию. Первая соотносится с областью мышления, вторая – с областью аффективно-потребностной сферы и Я человека, а третья – с областью взаимоотно-

шений с другими людьми. Рефлексия может пониматься и как исследовательский акт, направленный человеком на себя как субъекта жизнедеятельности. При логической рефлексии человек исследует область своего мышления, при личностной – свое Я, межличностная рефлексия тесно связана с первыми двумя: это та же рефлексия, только обращенная на другого человека. Во всех случаях человек рассматривает не только нечто, но и себя как исследователя этого «нечто» [54, с. 104].

С нашей точки зрения, наиболее полная классификация подходов к исследованию рефлексии как предмета психологического познания представлена в работе Н. И. Люрья [148]. Автор выделяет восемь направлений в психологии рефлексии в зависимости от области психологического знания, в рамках которого осуществляются исследования:

1) деятельностное направление, суть которого состоит в рассмотрении рефлексии как компонента структуры деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.);

2) исследование рефлексии в контексте проблематики психологии мышления (В. В. Давыдов, Ю. Н. Кулюткин, И. Н. Семенов, В. Ю. Степанов);

3) изучение рефлексивных закономерностей организации коммуникативных процессов (В. С. Библер, С. Ю. Курганов, А. Липман);

4) анализ рефлексивных феноменов в структуре совместной деятельности (В. А. Недоспасова, А. Н. Перре-Клемон, В. В. Рубцов);

5) педагогическое направление, представители которого рассматривают рефлексия в качестве инструментального средства организации учебной деятельности (О. С. Анисимов, М. Э. Боцманова, А. З. Зак, А. В. Захарова);

6) личностное направление, где рефлексивное знание рассматривается как результат осмысления своей жизнедеятельности (Ф. Е. Василюк, М. Р. Гинзбург, Н. И. Гуткина, А. Ф. Лазурский);

7) генетическое направление исследования рефлексии (В. В. Барцалкина, Ю. В. Громыко, Н. И. Люрья, Ж. Пиаже, В. И. Слободчиков);

8) «системомыследеятельностный» подход, согласно которому рефлексия есть форма мыследеятельности (А. А. Зиновьев, В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий).

Кроме того, можно выделить следующие направления:

- метакогнитивная парадигма исследования рефлексивных процессов (М. Келлер, М. Кэплинг, Дж. Флейвелл, М. А. Холодная);

- исследование рефлексии как фундаментального механизма самопознания и самопонимания (В. В. Знаков);

- анализ рефлексивных закономерностей и механизмов управленческой деятельности и управления в целом (А. В. Карпов, Г. С. Красовский, В. Е. Лепский).

Развертывание исследований проблемы рефлексии в указанных (а также в иных) направлениях четко определило две важные особенности ее современного состояния. С одной стороны, накоплен огромный фактический материал, получены интереснейшие экспериментальные результаты, вскрывающие важные закономерности и механизмы рефлексивных феноменов; сформулирован ряд объяснительных концепций в данной области. Все это привело к становлению и развитию особого – «рефлексивного» – движения, которое не только существенно расширяет (а иногда и изменяет) традиционные представления о некоторых психологических закономерностях, но имеет также общенаучное и даже мировоззренческое значение. С другой стороны, по мере развития этих представлений все отчетливее проявляются и определенные негативные особенности и трудности, без преодоления которых невозможно дальнейшее конструктивное развитие проблемы рефлексии. Наиболее значимые из них, а также пути их возможного преодоления будут специально рассмотрены в следующей главе.

Итак, рассмотренные выше точки зрения демонстрируют в своей совокупности большое многообразие трактовок рефлексии. Авторы большинства классификаций и подходов к изучению данного феномена повторяются в некоторых ключевых пунктах; их классификации отличаются друг от друга скорее не по принципиальным моментам, а в зависимости от избранного основания классификации. Таким образом, очевидно, что при той вариативности взглядов на природу рефлексии, которая сложилась в современной психологии, каждый исследователь, выбирая ту или иную парадигму анализа в зависимости от поставленных целей, вместе с тем должен учитывать возможные позиции по отношению к полученным результатам и варианты их интерпретации.

* * *

Анализ основных направлений исследования проблемы рефлексии должен быть дополнен, на наш взгляд, еще некоторыми важными аспектами. Это прежде всего вопросы, связанные с исследованием возникновения и развития рефлексии в онто и филогенезе, а также когнитивный, деятельностный и жизнедеятельностный подходы к трактовке рефлексии, к исследованию рефлексивных феноменов.

Когнитивное направление является хронологически более ранним, чем все иные среди отмеченных, и в связи с этим более теоретически разработанным в зарубежной психологии. Первые работы в рамках этого направления появились в 1930-е годы. Тем не менее тематика метапроцессов, к которым относятся рефлексивные процессы и феномены, начала интенсивно разрабатываться лишь в 1970-е годы. Среди многочисленных работ, посвященных проблемам метапамяти и метамышления, специально остановимся на ранних работах Дж. Флейвелла, А. Брауна и Дж. Кампоне [262; 264; 280; 282], а также более подробно охарактеризуем современное состояние проблемы рефлексивных процессов в метакогнитивизме.

Первой работой, открывшей метакогнитивное направление в зарубежной психологии, стала работа Дж. Флейвелла «Метапамять» [280], в которой автор, анализируя развитие познавательных функций, выделяет в структуре мнестических процессов метауровень, содержащий знания индивида о собственной памяти: ее содержании, процессах и стратегиях запоминания⁴. Кроме процессов метапамяти, Дж. Флейвеллом были обозначены еще два регулятивных процесса высшего уровня – метапонимание и метакоммуникация. После выхода данной работы заметно интенсифицировались экспериментальные исследования метамнестических процессов, результаты которых привели к необходимости постановки проблемы метамышления и сознательной регуляции познавательных процессов в целом.

А. Браун и Г. Уэллман, исследуя метамышление, выделяют в качестве основных его функций контроль за процессами мышления, их планирование, регуляцию и согласование [329; 330]. Эти процессы появляются и функционируют в сознательной деятельности в зависимости от трудности задачи и специфики мотивации индивида на ее решение. В своих более поздних работах Г. Уэллман выделяет четыре группы явлений, попадающих под определение «метамышление»:

А. Постоянные знания человека о мыслительных задачах, процессах, стратегиях и др., которые Дж. Флейвелл называет метакогнитивными знаниями, а Уэллман – теорией человека о душе.

---

⁴ Следует, правда, иметь в виду, что еще за несколько лет до этой работы Дж. Флейвелла Э. Тульвинг и С. Мадиган писали в одной из своих статей: «... Возможно, имеет смысл отойти от традиционных способов экспериментирования и поискать пути исследования такой уникальной особенности человеческой памяти, как память *о самой себе*» (курсив мой. – А. К.).

Б. Знания о состоянии, содержании, пределах собственного мышления в определенный момент времени, который Дж. Флейвелл называет метакогнитивным опытом, а Г. Уэллман – когнитивным слежением.

В. Регуляцию и контроль за процессами и стратегиями мышления.

Г. Сознательные эмоции, сопровождающие процесс познания (Дж. Флейвелл относит эти процессы к метакогнитивному опыту) [331].

В своих более поздних работах Дж. Флейвелл описывает структуру метакогнитивного опыта, состоящую из трех уровней [281; 282]. Первый уровень составляют метакогнитивные знания человека о себе, о своих жизненных задачах и стратегиях их реализации. Следующий уровень представлен метакогнитивным опытом, выполняющим функции структурирования прошлого опыта и отслеживания событий непосредственной данности. Наконец, на третьем уровне имеет место метакогнитивная регуляция деятельности, основная задача которой – поиск релевантных цели ресурсов. Кроме того, Дж. Флейвелл обозначает те ситуации в процессе выполнения деятельности, которые запускают участие в ней метапознавательных процессов:

- когда познавательная ситуация нова;
- когда внимание акцентируется на том, как решающий мыслит;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.